

НАТА РАЧЕВСКАЯ

КОГДА
ПРОСЫПАЮТСЯ
ВИШАПЫ

Ната Рачевская

Когда просыпаются Вишапы

«Автор»

2026

Рачевская Н.

Когда просыпаются Вишапы / Н. Рачевская — «Автор», 2026

Что делать учителю истории, если мифы, о которых она рассказывала на уроках, оживают на улицах её города? В туманах Ванадзора просыпается то, что веками спало под землей. Древние боги Армении возвращаются, и они голодны. Анне 36 лет, у неё нет суперспособностей, но у неё есть знания, верность своей семье и гордость великого рода. Ей предстоит разгадать тайны черного туфа Гюмри и диких лесов Лори, чтобы защитить детей и доказать: человеческое сердце способно остановить даже разгневанное божество.

Аутентичное этно-фэнтези 16+ о силе корней, долге и магии, которая живет в каждом из нас.

© Рачевская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Туман над Лори	5
Глава 2. Забытые лабиринты	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ната Рачевская

Когда просыпаются Вишапы

Глава 1. Туман над Лори

В Ванадзоре осень всегда пахла одинаково — мокрым сланцем, палой буковой листвой и горьким дымом из печных труб частного сектора, который тонул в глубоком ущелье. Но в этот четверг к привычным ароматам примешалось кое-что еще. Едва уловимый, липкий привкус озона и застоявшейся речной тины. Он оседал на языке неприятной горечью, словно перед сильной, неестественной грозой. Воздух сделался плотным, почти осязаемым, как вода в глубоком горном омуте, где веками не тает придонный лед Лорийского хребта.

Анна стояла у классной доски, машинально перебирая в пальцах кусочек белого мела. Пыль въелась в трещинки кожи, пачкала темно-синие манжеты её строгого блузона. За окном громоздились тяжелые, свинцовые горы Лори. Их вершины, обычно четкие и резкие, словно высеченные из обсидиана, сегодня полностью растворились в плотной серой хмари. Поросшие вековым лесом склоны казались хребтом огромного, спящего зверя, который вот-вот сделает глубокий вдох. Город, зажатый между двумя хребтами, казался игрушечным, хрупким, словно горсть колотого сахара, брошенная на дно глубокой гранитной чаши.

— Поэтому, когда мы говорим об Урарту, мы говорим не просто о древнем государстве, — Анна повернулась к классу, стараясь говорить ровно, хотя внутри уже билась странная, беспричинная тревога. — Мы говорим о культуре, которая подчинила себе камень и воду. Клинопись короля Аргишти — это не просто хроника побед. Это законы, по которым люди и стихия сосуществовали тысячи лет. Для наших предков земля не была мертвой. Каждая скала, каждый горный исток имели свое имя. И своего стража. Люди знали: у всего есть цена. Взял воду из ручья — поблагодари землю. Срубил вековой дуб — жди, что лес ответит.

Тридцать пар глаз смотрели на неё с разной степенью вовлеченности. Кто-то откровенно залипал в экраны смартфонов под партами, ловя слабеющий сигнал сотовой вышки, кто-то чертил каракули в тетрадах. Только на первой парте тринадцатилетний Ваган, круглый отличник с вечно растрепанными вихрами и огромными, не по-детски серьезными глазами, ловил каждое слово. Он сидел, подавшись вперед, и даже забыл про открытый учебник.

— Муаллим, — подал голос Ваган, прищурившись и покосившись на блеклый горный склон за стеклом. — А правда, что в наших горах до сих пор находят вишапакары? Ну, эти каменные рыбы, про которые дедушки в селах сказки рассказывают? Мой дядя говорил, что на склонах Тежлера лежит такой камень, три метра в длину, и на нем выбита змеиная чешуя.

— Не сказки, Ваган, — Анна мягко улыбнулась, и эта улыбка на мгновение разгладила строгую складку между её бровей. — Вишапакары — это исторический факт. Менгиры. Их ставили у истоков рек, на перевалах и высокогорных пастбищах еще до того, как здесь появились первые крепости. Они охраняли воду. Древние верили, что если осквернить источник или забыть законы предков, каменный вишап проснется и заберет воду обратно, превратив цветущую долину в пустыню. Или, наоборот, затопит её черным, ядовитым селем. Вода в представлении наших предков была не просто жидкостью. Это была кровь земли, живая и опасная.

Она непроизвольно опустила левую ладонь к груди, коснувшись пальцами тяжелого серебряного кулона сквозь ткань блузки. Это был массивный диск на прочной цепочке, на лицевой стороне которого был выгравирован древний символ: свернувшийся тугим кольцом дракон-вишап, кусающий собственный хвост. Рисунок чешуи был настолько детальным, что металл казался шероховатым под подушечками пальцев.

Это была единственная вещь, которую дед Левон оставил ей перед тем, как бесследно исчезнуть три месяца назад из их родового дома в Гюмри. Профессор Левон Асланян не был обычным стариком. Заслуженный академик, археолог, чье имя знали в научных кругах по всему миру, он последние годы вел себя странно. Он запирался в своем кабинете среди сотен старых карт, пахнущих плесенью и сушеной травой, и твердил, что земля под Арменией «начинает дышать слишком тяжело». «*Носи, Ани джан, и никогда не снимай, что бы ни случилось*», — говорил он тогда своим хриплым, прокуренным голосом, надевая на её шею эту цепочку. В день его исчезновения в доме не нашли следов взлома. Просто открытая дверь, недопитый кофе на столе и пустой сейф, где хранились его самые секретные дневники последних экспедиций по Лорийскому плато. Полиция Гюмри лишь развела руками, списав все на возрастные причуды.

Чтобы сбежать от удушающей жалости родственников и бесконечных допросов, Анна собрала один чемодан и уехала в Ванадзор. Этот город, окруженный густыми лесами, казался ей идеальным укрытием, где можно было раствориться в рутине школьных уроков. Но Гюмри — строгий, каменный, выстроенный из жесткого черного туфа, с его негласными законами чести и гордости — остался внутри нее. Она не умела сдаваться и не умела бояться пустоты. До сегодняшнего дня.

Вдруг кулон на её шее резко, болезненно нагрелся. Анна вздрогнула и отступила на шаг от доски. Ткань одежды не защитила кожу; показалось, будто к груди прижали раскаленную на костре монету. Она едва сдержала судорожный вздох, прижав ладонь к груди сильнее. Серебряный диск пульсировал. Ровно, тяжело, в такт её собственному сердцу, но с каждым ударом эта пульсация становилась сильнее, отзываясь тупой болью в ключицах.

В классе заметно потемнело, словно кто-то снаружи медленно задвинул окна плотными серыми шторами. Лампы дневного света под потолком жалобно звякнули и начали мигать, испуская нездоровый, сиреневый отсвет.

— Ого Смотрите, какой туман! Что это вообще такое? — крикнула с задней парты Ануш, указывая пальцем на стекло.

Дети, позабыв про дисциплину, повскакали со своих мест. Они сгрудились у огромных окон, прижимаясь лбами и ладонями к стеклам. Анна сделала несколько тяжелых шагов вперед, чувствуя, как внутри, где-то под ребрами, разрастается холодный, липкий узел. Каждое движение давалось с трудом, словно воздух вокруг сгустился до состояния киселя.

Из ущелья Тандзут, понизу, прямо по каменистому руслу реки, выползала белая стена. Это был не тот мягкий, пушистый туман, который часто спускается с гор Лори после затяжного осеннего дождя. Этот двигался неестественно быстро, плотно, тяжелыми пластами, словно живое, мыслящее существо. Он имел грязно-желтый, болотный оттенок и клубился маслянистыми, жирными кольцами, которые не рассеивались на ветру. Туман буквально пожирал пространство города. Вот он поглотил старую спортивную площадку с поржавевшими турниками, вот в одно мгновение скрыл под собой серые панельные пятиэтажки на окраине, вот перешагнул через бетонный забор и пополз по школьному двору.

За окном воцарилась абсолютная, звенящая тишина. В Армении тишина в горах никогда не бывает мертвой — всегда слышен шелест травы, далекий крик птицы или гул мотора. Но сейчас мир словно оглох. Смолки вечно лающие у ворот бродячие собаки, которые еще минуту назад сходили с ума от лая. Исчез далекий гул машин с межгородской трассы. Даже птицы в кронах вековых деревьев словно вымерли в один миг, попрятавшись в самые глубокие дупла.

— Муаллим, мне страшно, — тихо пискнула маленькая Гаяне, прижимая к животу свой розовый школьный рюкзак. — Почему он так странно пахнет? Из окна дует.

Запах пробивался даже сквозь закрытые пластиковые рамы, сквозь мельчайшие щели в уплотнителе. Это была не просто сырость. Это была невыносимая, удушливая вонь тухлой,

застоявшейся сотни лет воды, гниющих водорослей, болотной грязи и чего-то очень древнего, хтонического. Так пахнет дно озера, которое не видело солнечного света с сотворения мира.

Кулон на груди Анны теперь не просто грелся — он вибрировал так, что у нее задрожали зубы. Серебряный вишап на металлическом диске словно пытался пробить грудную клетку, требуя свободы. Анна вглядывалась в белесую, желтоватую мглу, охватившую школьный двор. Туман поднялся уже до уровня второго этажа, цепляясь за нижние ветки столетних буков и дубов, росших у самой границы школьной территории, где начинался дикий лес.

И тут деревья качнулись. Не от ветра — кроны пошли ходуном, ломая сухие сучья с сухим, пушечным треском. Что-то огромное, невероятно массивное и длинное протискивалось между стволами, раздвигая вековые деревья, словно сорную тракту на заброшенном огороде. Земля под школьным фундаментом мелко, ритмично задрожала. В стакане с водой, стоявшем на учительском столе, пошла идеальная круговая рябь.

Анна замерла, забыв, как делать вдох. Ей казалось, что ее сознание раскололось: одна часть — рациональная, учительская — твердила, что это оползень или землетрясение, но вторая часть, та, что питалась рассказами деда Левона, уже знала правду.

Там, в глубине желтоватого, маслянистого марева, на высоте нескольких метров от земли, вспыхнули две точки. Они были огромными, размером с автомобильные фары, и горели фосфоресцирующим ядовито-зеленым, мертвенным светом. Это были глаза. С вертикальными, как у рептилии, зрачками, которые медленно сужались и расширялись, улавливая тепло живых тел внутри здания. Они не просто смотрели в никуда. Они сканировали фасад старой школы, задерживаясь на каждом окне.

Медленно, со страшной, гипнотической неизбежностью, эти исполинские зрачки повернулись и зафиксировались прямо на окне её класса. Прямо на Анне.

В этот миг время остановилось. Через толщу стекла Анна почувствовала, как чужая, древняя воля коснулась её разума. Это была воля стихии — темной, голодной, не знающей жалости и человеческой морали. Существо в тумане выдохнуло, и стекло покрылось изнутри густой сеткой ледяного конденсата. Серебряный вишап на её шее рванулся вперед с такой силой, что цепочка натянулась, врезаясь в кожу на затылке. В ушах раздался глухой, идущий из самых недр Лорийских гор рокот. Это был не звук, который воспринимают барабанные перепонки. Это была вибрация самого пространства, от которой задрожали стекла в рамах, и по штукатурке над доской побежала тонкая, извилистая трещина.

Вишап проснулся. Тот самый водный дракон из урартских клинописей, о которых она рассказывала детям всего пять минут назад. И он пришел сюда не случайно. Его вела кровь. Её кровь.

— Всем отойти от окон! — её голос, обычно мягкий и размеренный, сорвался на резкий, командный крик, который гюмрийской сталью полоснул по ушам застывших в оцепенении детей. — Быстро! Живо все назад! Сели на пол, спиной к внутренней стене! Закрывать головы руками!

Дети испуганно отшатнулись от подоконников. Ваган, проявив неожиданную для своего возраста собранность, схватил плачущую Гаяне за руку и потащил её вглубь класса, подальше от опасно вибрирующих оконных рам.

— Муаллим, что это? Там кто-то есть? Там чудовище? — наперебой закричали мальчишки, но Анна их уже не слышала.

Она стояла лицом к окну, закрывая собой тридцать испуганных детей. Кулон на шее продолжал жечь кожу, но теперь этот ожог приносил странную, дикую ясность. Анна Асланян поняла: привычный, безопасный мир Еревана, Гюмри и школьных планов только что треснул по швам. Из этой трещины пахнуло первозданным хаосом древних гор, и обратно его уже не загнать. Времени на страх не оставалось. Если она сейчас поддастся панике, эти дети погибнут

первыми. Ей нужно было действовать, опираясь на ту единственную силу, которую оставил ей дед на серебряной цепочке.

На часах в классе стрелки замерли ровно на 14:15. Смартфоны на партах начали издавать странный, нарастающий писк, словно электронные платы плавилась изнутри от чудовищного напряжения. Экран учительского ноутбука вспыхнул ядовито-зеленым цветом, повторив оттенок глаз существа за окном, а затем с тихим хлопком погас, пустив тонкую струйку едкого дыма. Связи больше не было. Город оказался отрезан от остального мира пеленой древнего тумана.

Анна медленно опустила руку к груди, крепко зажав кулон в кулаке. Металл больше не обжигал — он требовал действия.

Глава 2. Забытые лабиринты

Школьный коридор встретил Анну хаосом, который в считанные секунды затопил здание с первого по третий этаж. Звук школьного звонка, обычно возвещавший о конце уроков, теперь непрерывно, надрывно дребезжал, пока под потолком с глухим металлическим шелчком не выбило автоматы в электрощитке. Звонок подавился на полуслове и смолк, оставив после себя оглушительный, звенящий гул сотен испуганных детских голосов, топот десятков ног по лестницам и нарастающий, панический крик.

Из соседних классов лавиной вываливались ученики. Младшеклассники плакали, сбиваясь в кучи у дверей, старшие — судорожно тыкали в экраны своих смартфонов. Но экраны вели себя одинаково безумно. Повсюду, во всей школе, новейшие модели телефонов с адаптивным искусственным интеллектом, которыми так гордилось министерство образования, начали сходиться с ума. Ассистенты навигации вместо привычных вежливых ответов исторгали из динамиков ломаный, искаженный цифровой хрип, переходящий в утробное мычание. Карты на дисплеях крутились волчком, перерисовывая улицы Ванадзора в хаотичные лабиринты из ломаных линий, а затем экраны поочередно вспыхивали мертвенным, ядовито-зеленым светом и гасли, превращаясь в куски бесполезного, остывающего пластика и стекла. Литые аккумуляторы нагревались, заставляя детей испуганно отбрасывать гаджеты на линолеум.

— Связи нет! Вообще нет! Даже экстренные службы не вызываются! — кричал в конце коридора учитель физкультуры, Гагик, тщетно пытаясь реанимировать свой тяжелый планшет. На его широком, обычно румяном лице сейчас явственно проступала мертвенная бледность. — Навигатор показывает, что мы находимся посреди какого-то озера! Что за чертовщина с вышками связи? Трансформаторы взорвались, что ли?

— Это не вышки, Гагик, — тихо произнесла Анна, проталкиваясь сквозь толпу бегущих учеников обратно к своему классу, но физрук её не услышал. Он уже бежал к центральному выходу, увлекая за собой толпу напуганных старшеклассников, сокрушаясь на ходу и требуя открыть пожарные выходы.

Директор школы, Карине Суреновна, стоявшая на промежуточной площадке второго этажа, пыталась перекричать безумную толпу через ручной электронный мегафон. Однако прибор лишь издал протяжный, утробный, похожий на бычий рев звук и задымился в её руках. Женщина испуганно отбросила его в сторону, едва не угодив в бегущих мимо семиклассников. В воздухе Ванадзора, обычно чистом, свежем и горном, теперь явственно ощущался тяжелый, давящий, серный душок. Желтоватый туман снаружи уже вплотную прижался к стеклам коридорных окон, и сквозь него, словно сквозь грязную, засаленную марлю, едва просвечивали силуэты букового леса. Земля под ногами продолжала едва заметно, но ритмично пульсировать. Это походило на биение гигантского, ледяного сердца, скрытого на глубине многих километров под Лорийским хребтом.

— Всем оставаться на местах! Не выходить во двор! Заприте двери! — Анна постаралась вложить в свой голос всю твердость, на какую была способна её гюмрийская натура.

Жилка на её виске напряженно забилась. Она видела то, чего не замечали ослепленные страхом коллеги: туман снаружи не просто висел плотной стеной, он уже проникал внутрь здания через вентиляционные решетки и щели в старых плинтусах, стелясь по полу липкими, маслянистыми змейками. И там, где эти желтоватые змейки касались линолеума, оставался темный, склизкий след, от которого краска на полу шла мелкими пузырями.

— Муаллим Асланян, что нам делать? — Ваган стоял у двери родного класса, крепко держа за плечи бледную, мелко дрожащую Гаяне. Остальные двадцать восемь учеников её класса сгрудились позади них, глядя на Анну как на единственную спасительную солому

посреди этого хаоса. В их глазах не было подросткового бунта — только первобытный, чистый страх перед тем, что они не могли объяснить своими детскими умами.

Анна обернулась на огромное окно коридора. Гигантские зеленые глаза-фары в тумане исчезли, но это не принесло облегчения. Напротив, у нее возникло четкое, почти осязаемое физически чувство, что существо переместилось. Оно больше не разглядывало школу изда-лека, прячась в буковых кронах. Оно спускалось ниже, в ущелье, к самым истокам подземных вод, которые веками питали этот горный город. Оно проникало под фундамент здания.

И тут сверху, со стороны чердака, раздался страшный, скрежещущий звук. Будто кто-то огромный, с тяжелыми, ороговевшими когтями и чешуйчатым брюхом, медленно пополз по старой шиферной крыше школы, с легкостью проминая деревянные стропила и ломая обрешетку. Потолок в коридоре отозвался протяжным треском, и на головы застывших детей посыпалась мелкая, сухая известковая пыль.

— Вниз, — твердо и холодно сказала Анна, перехватывая руку Вагана. Её ладонь была ледяной, но хватка — стальной. — Мы не пойдем к главному выходу. Туман заблокировал двор. Если мы выйдем туда, мы окажемся слепыми на открытом пространстве. Мы превратимся в легкую добычу.

— Но Карине Суреновна ведет всех к автобусной остановке! — выкрикнул кто-то из мальчишек, указывая на первый этаж, где толпа штурмовала стеклянные двери вестибюля.

— Автобусы не заведутся, — отрезала Анна. Она вспомнила, как мгновенно вспыхнул и погас экран её собственного ноутбука. Древняя магия, пробудившаяся в Лори, выжигала любую сложную электронику, как мощный импульс. — Нам нужно надежное укрытие, где стены толще, чем этот хрупкий туф. Нам нужен старый подвал.

Она не просто так приняла это безумное решение. Внутри неё, преодолевая секундное оцепенение, начал работать холодный, расчетливый ум исследователя, унаследованный от деда Левона. Профессор Асланян перед своим таинственным исчезновением часто повторял ей за чашкой кофе в Гюмри: *«Если земля под Лори заговорит, Ани джан, ищи спасенья не на вершинах, а в её утробе. Старый Кировакан построен поверх урартских дренажных систем и древних царских погребов. Базальтовый камень, уложенный руками предков, имеет свою память. Он не пропустит хтоническую тварь, если Ключ будет внутри»*. Тогда она считала эти слова метафорой, причудой увлеченного мистикой старика. Теперь, когда потолок над головой трещал под тяжестью невидимого тела, она понимала их буквально.

Анна полезла в свою кожаную сумочку и вытащила старую, пожелтевшую от времени топографическую карту Ванадзора пятидесятих годов прошлого века, которую дед когда-то заставил её детально изучить и зарисовать. Среди стандартных советских обозначений улиц, заводов и парков рукой Левона Асланяна черной тушью были нанесены совсем другие линии — извилистые, пересекающие всю низину подземные галереи, шедшие от бурлящего русла реки Тандзут к самому подножию гор. Школа 4, старое здание монументальной сталинской постройки с мощным фундаментом, стояла как раз на одном из таких узловых пересечений.

— За мной, цепочкой, держитесь друг за друга. Кто отпустит руку — останется в тумане, — грозно скомандовала Анна, увлекая класс к неприметной деревянной двери в самом конце правого крыла первого этажа. Эта дверь обычно была намертво заперта на тяжелый навесной замок, покрытый слоем ржавчины, и за ней располагался склад старой поломанной мебели, парт и списанных учебников.

В коридорах за их спинами нарастала паника. Кто-то безуспешно пытался выбить тяжелые дубовые двери парадного входа, заклинившие от сырости, кто-то истошно кричал, что в желтом тумане на школьном дворе мелькают длинные, гибкие тени, похожие на гигантские хвосты. Анна не оборачивалась. Она знала: если она замешкается или проявит жалость к чужой панике хоть на секунду, страх парализует её собственный класс, и они погибнут одними из первых.

Она подошла к двери склада. Тяжелый железный замок, покрытый слоем вековой пыли, казался непреодолимым препятствием. Ключей у нее, разумеется, не было. Дети затаили дыхание, сбившись за её спиной в плотный, дрожащий ком. Они слышали, как на первом этаже с грохотом вылетело первое оконное стекло, заставив толпу в вестибюле взвыть от ужаса.

Анна протянула руку к металлической дужке замка. В этот момент кулон на её шее — серебряный диск с вишапом — резко дернулся, словно живое существо. Металл стал обжигающе горячим, но Анна не отдернула руку. Напротив, она плотно прижала ладонь к кулону сквозь ткань блузки, а пальцы левой руки положила прямо на ржавое железо замка.

Внутри её тела словно открылся невидимый шлюз. Анна почувствовала, как от её груди, через плечо и предплечье, по венам побежала густая, тяжелая волна жара. Это было физически больно — мышцы руки мгновенно свело судорогой, а в глазах на секунду вспыхнули ядовито-зеленые искры, точь-в-точь как глаза существа в лесу. Серебряный вишап на её шее запульсировал с такой силой, что цепочка едва не лопнула. Эта сила не была её собственной — кулон выступал в роли проводника, выкачивая родовую энергию Асланянов и направляя её в одну точку.

Раздался сухой, резкий, металлический щелчок, прозвучавший в тишине коридора как пистолетный выстрел. Старый внутренний механизм массивного навесного замка с хрустом повернулся сам собой. Дужка с визгом выскочила из пазов, и замок упал на бетонный пол, подняв облако пыли. Ваган тихо, восторженно ахнул, приоткрыв рот, но Анна лишь болезненно поморщилась, чувствуя, как её рука плетью повисла вдоль тела. Пальцы онемели, кожа покрылась каплями холодного пота. Кулон выпил слишком много сил за этот короткий контакт.

— Заходите. Быстро, без шума, — шепнула она через силу, толкая тяжелую деревянную дверь здоровой рукой.

За дверью открылась крутая, узкая, уходящая в полную темноту лестница. Оттуда пахло не просто привычной подвальной сыростью, плесенью и гниющей старой бумагой. Из глубины тянуло удивительно сухим, чистым воздухом глубоких каменных пещер, смешанным с едва уловимым ароматом дикого горного чабреца. Этот запах каким-то чудом сохранился здесь с незапамятных времен, словно законсервированный под толщей фундамента. Это был запах старой, подлинной Армении — суровый, надежный, пахнувший абсолютной безопасностью и вековым покоем.

Они начали спешный спуск. Лестница была выбита прямо в твердой скальной породе, и только самые верхние ступени были небрежно покрыты крошащимся советским бетоном. Чем ниже они опускались, тем явственнее современные оштукатуренные стены школы уступали место циклопической, доисторической кладке из огромных, грубо обтесанных блоков черного базальта. Эти камни были подогнаны друг к другу с поразительной точностью — между ними нельзя было просунуть даже тончайшее лезвие ножа. На некоторых блоках Анна, даже в полумраке, успевала замечать едва различимые древние рельефы: изображения водных потоков, стилизованные фигуры переплетенных змей и раскидистые деревья с тяжелыми, круглыми плодами.

— Муаллим, это совсем не похоже на обычный школьный подвал, где дворник хранит лопаты, — тихо сказал Ваган, подсвечивая дорогу слабым экраном своего телефона. Телефон здесь, под толщей камня, неожиданно перестал мигать зеленым и просто выдавал ровный белый диод вспышки, хотя полосы сети, конечно, полностью исчезли. — Здесь слишком тихо. И совсем не слышно того, что происходит наверху в коридорах.

Действительно, как только последняя испуганная ученица переступила порог и Анна с огромным трудом притянула за собой тяжелую деревянную дверь склада, все внешние звуки отрезало. Крики паникующих людей, треск ломающейся крыши и жуткий скрежет когтей по шиферу исчезли, словно по щелчку выключателя. Они оказались в мире абсолютной, монументальной тишины, которая веками царила под основанием Ванадзора. Только тихий шорох

детских шагов по каменным плитам и их собственное, прерывистое, испуганное дыхание нарушали покой этого подземного лабиринта.

Они вышли в обширную купольную галерею. Потолок уходил далеко вверх метра на четыре, теряясь в густой, непроглядной темноте. Пол здесь был выложен массивными плитами из темно-серого туфа, по бокам тянулись глубокие желоба, в которых когда-то, судя по всему, текла чистая родниковая вода древнего города. Сейчас эти желоба были абсолютно сухими, покрытыми вековой серой пылью, но на самом дне одного из них Анна с тревогой заметила свежую, блестящую полосу влаги. Вода постепенно возвращалась в эти лабиринты. А вместе с водой возвращалось и то, что веками спало в её ледяных глубинах, скованное законами предков.

— Садитесь здесь, прямо на выступы, — Анна указала детям на широкие каменные лавки вдоль стен, которые напоминали скамьи в древних караван-сараях на перевалах. — Прижмитесь спинами к камням. Базальт холодный, он заберет ваш страх и успокоит. Ваган, распредели среди младших ту воду, которая у кого осталась в бутылках. Пить маленькими глотками, экономно. Мы не знаем, сколько нам придется здесь просидеть.

Она сама обессиленно прислонилась спиной к огромному базальтовому блоку, чувствуя, как её тело бьет крупная, запоздалая дрожь. Кулон на груди наконец полностью остыл, превратившись в привычный тяжелый кусок холодного серебра, но её правая рука все еще безжизненно висела, а пальцы покалывало, словно от сотен мелких иголок.

Анна отчетливо понимала, что они оказались в ловушке. Да, эти монументальные древние стены пока защищали их от желтого тумана и от того летучего ужаса, который кружил над разрушающейся школой. Но они были полностью отрезаны от города, от семьи, от любого проявления современной цивилизации. Мир наверху стремительно разрушался, законы физики и технологии уступали место законам сурового мифа, и она, обычный учитель истории, теперь стояла на самой границе этих двух миров. Она удерживала жизни тридцати детей на тонкой ниточке старого дедовского наследия, скрытого под её блузкой.

Вдруг из глубины галереи, там, где лабиринт уходил в полную, непроглядную тьму в сторону бурлящего русла реки Тандзут, донесся странный, пугающий звук. Это был не скрежет когтей и не яростный рев хищника. Это было тихое, ритмичное, скользящее шуршание. Будто по каменным плитам пола из темноты медленно тащили тяжелый, мокрый кожаный канат.

Дети мгновенно затихли, перестав даже шептаться. Ваган замер с пластиковой бутылкой в руке, его глаза расширились от первобытного ужаса. Анна медленно, преодолевая слабость в ногах, поднялась во весь рост, задвигая мальчишку себе за спину. Шуршание стремительно приближалось, и вместе с ним в купольную галерею начал медленно вползать тот самый душливый, болотный запах, от которого кружилась голова. Тварь из тумана нашла другой, подземный путь в самое сердце их укрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.